

- A. Mironowicz, U. Pawluczuk, P. Chomika – Białystok : Wyd. Uniwers. w Białymstoku, 2004. – S. 199–211.
6. Пікарда, Г. Нябеснае полымя. Досьлед пачаткаў беларускага перакладу Новага Запавету і псалмаў (1931) / Г. Пікарда // Спадчына. – 1995. – № 4. – С. 152–175.
 7. Kuprianowicz, G. Kościół prawosławny w Polsce w XX wieku / G. Kuprianowicz // Prawosławie. Światło wiary i źródło doświadczenia / Prawosławna Diecezja Lubelsko-Chełmska ; K. Leśniewski, J. Leśniewska. – Lublin, 1999. – S. 549–649.
 8. Лабынцев, Ю., Литературное наследие В. В. Богдановича – белорусского сенатора II Речи Посполитой / Ю. Лабынцев // Славяноведение. – 1997. – № 3. – С. 39–49.
 9. Гарбінскі, Ю. Беларускія рэлігійныя дзеячы ХХ стагоддзя / Ю. Гарбінскі ; Нав.-рэд. савет: У. Конан (адк. рэд.) [і інш.] – Мінск-Мюнхен : Беларус. кнігазбор, 1999. – 725 с.
 10. Царкоўнае жыццё // Праваслаўны Беларус. – 1925. – № 19–20. – С. 12.
 11. Гальгофа // Праваслаўны Беларус. – 1925. – № 19–20. – С. 11.
 12. Сьвістун, С. Цень. Памяці Ф. Скарыны / С. Сьвістун // Праваслаўны Беларус. – 1925. – № 19–20. – С. 11.
 13. Аб чым пішуць (Дзесяцілецце беларускай школы) // Праваслаўны Беларус. – 1925. – № 19–20. – С. 13–14.
 14. Ковш, А. Основы воспитания молодежи / А. Ковш // Воскресное чтение. – 1931. – № 46. – С. 662.
 15. Снапок. – 1937. – № 1.
 16. Снапок. – 1937. – № 3.
 17. Паўловіч, С. Сьвяшчэнная гісторыя Старога Запавету / С. Паўловіч // Спадчына. – 1995. – № 1. – С. 112–142.
 18. Паўловіч, С. Сьвяшчэнная гісторыя Новага Запавету. Падручнік для беларускіх школаў і самаадукацыі / С. Паўловіч. – Варшава : Друкарня Сынадальная, 1936. – 154 с.
 19. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва (БДАМЛМ). – Фонд 3. – Воп. 1. – Спр. 198. Дакументы Цэнтр. Беларус. правасл. камітэта ў г. Вільня (статут, працякі, рэзалюцыя канферэнцыі і інш.).
 20. Церковное обозрение. Находка рукописи на греческом языке, касающейся мученической кончины Св. Виленских Мучеников Антония, Иоанна и Евстафия // Воскресное чтение. – 1936. – № 1. – С. 11.
 21. Вадимов, Е. В. Белорусском музее имени И. И. Луцкевича / Е. Вадимов // Воскресное чтение. – 1939. – № 6. – С. 85–89.
 22. БДАМЛМ. – Фонд 3. – Воп. 1. – Спр. 203. Статут беларус. Свята-Троіцкага правасл. таварыства ў г. Вільня.
 23. Архив Свято-Успенского Жировичского мужского монастыря. – Фонд 2. – Опись 1. – Дело 7. Материалы по Бытенскому благочинию. Корреспонденция
 24. Беларуская мова ў Праваслаўнай сэмінарыі ў Вільні // Родныя гоні. – 1927. – № 2 – С. 44.
 25. Аб Праваслаўнай Духоўнай Сэмінарыі ў Вільні // Родныя гоні. – 1927. – Кн.3. – С. 44.
 26. Сессия Священного Синода в 1928 г. // Воскресное чтение. – 1927. – № 44. – С. 663–670.
 27. З Віленскай праваслаўнай духоўнай сэмінарыі // Студэнцкая думка. – 1926. – №1 – С. 32.
 28. Лапіцкі, М. У служэнні Богу ў Беларусі / М. Лапіцкі ; Беларус. ін-т навук і мастацтваў, Ін-т славістыкі Польскай Акадэміі навук. – Нью-Йорк-Варшава, 2005. – 340 с.
 29. Кантрыба, П. Варшаўская праваслаўная мэтраполія ў 1935 г. / П. Кантрыба // Калосьсе. – 1937. – № 2. – С. 109–110.

Материал поступил в редакцию 07.02.2018

SAMOSYUK N.V. Influence of the activity of the Belarusian national-church movement on the development of the cultural identity of the population in Western Belarus (1921–1939)

The article presents the achievements of the Belarusian national-church movement, have had a positive influence on the development of the Belarusian cultural identity of the Orthodox population in the territory of Western Belarus during the inter-war period. Publication and distribution of the Orthodox periodicals, including for children, books on the law of God in the Belarusian language, attempted translation of the Holy Scriptures, the revival of fraternal movement, development of the cult of the Belarusian Saints contributed to meaningful the adoption of Orthodox Belarusians values, norms and traditions of Belarusian culture. The most significant factor in the development of Belarusian cultural identity has been educating the next generation of clergy, who openly expressed their cultural affiliation, and thereby have a significant impact on his parishioners.

УДК 78.90

Смиловицкий Л.Л.

**СПЕШУ ТЕБЕ СООБЩИТЬ ...
УСЛОВИЯ НАПИСАНИЯ ФРОНТОВОГО ПИСЬМА
(ПО СТРАНИЦАМ ПИСЕМ И ДНЕВНИКОВ 1941–1945 гг.)**

Введение. Характерной особенностью частной переписки в годы советско-германской войны были условия написания писем. Письма из действующей армии, которые так ждали в тылу, писались под открытым небом, в дороге, на привале, в коротких паузах, когда не нужно было думать над многочисленными мелочами, заполнявшими быт на войне. Человек в армии всегда находился под контролем старшего по званию и очень редко оставался предоставленным себе самому. Особенно в учебных подразделениях, запасных полках, военных училищах, но труднее всего доставалось тем, кто впервые попал на войну. Сведения о том, в какой обстановке писались письма, не подлежали претензиям со стороны военной цензуры. Скупые строки говорили, как действительно приходилось солдату на войне, сколько нужно было пережить, чтобы послать очередное письмо, и как человек с этим справлялся. Письма писали в поле, в степи, у костра, в лесу, на берегу реки, в блиндаже, землянке, окопе, на ветру, на солнцепеке, под дождем. Однако ничто не могло заставить солдата отказаться написать домой. Он делал это при плохом освещении, испытывая чувство предельной усталости и голода, отрывая время от сна, которого всегда хронически не хватало. Когда письмо не удавалось написать за один

присест, авторы принимались за него несколько раз, что свидетельствует о ритме и темпе жизни на войне.

В письмах отсутствует ненормативная лексика, которая переполняла военный быт, точно так же, как и общение солдат между собой в повседневной жизни и командиров с подчиненными. Это тоже характеризовало человека на войне, который, обращаясь к родным и близким, пытался не терять самоконтроль, сохранять самообладание, показать себя с лучшей стороны. Ненормативная лексика была характерна не только для Красной Армии, но и для советского тыла, для города и сельской местности, производства и распределения. Однако, в письмах из тыла на фронт нецензурные выражения тоже в большинстве случаев не употреблялись, что, в свою очередь, свидетельствовало об уважении тыла к людям, которые рисковали жизнью для достижения победы над врагом.

Письма содержали зачастую извинения за небрежный и неряшливый внешний вид, неразборчивый почерк, нарушение логики мысли, непоследовательность изложения. В качестве оправдания делалось признание, что послужило причиной – неудобная поза, замершие пальцы, окоченевшие ноги, промокшее тело, плохая видимость,

Смиловицкий Леонид Львович, доктор исторических наук, ст. научный сотрудник Центра диаспоры при Тель-Авивском университете, руководитель проекта «История евреев Беларуси», e-mail: smilov@zahav.net.il.

не соблюдение личной гигиены (не умывался, долго не был в бане) и т. д. Сопоставление всех названных факторов позволяет определить подлинную цену переписки 1941–1945 гг.

Письма служили необходимым средством для сохранения физического здоровья солдата, помогали вынести несоразмерные физические нагрузки, приспособиться к новым условиям существования, что невозможно уединиться и нужно постоянно оставаться на виду. Обстоятельства, при которых писались письма, говорили о силе духа и выносливости автора (или об их отсутствии), организованности и предусмотрительности, желании во что бы то ни стало подать о себе весть. Поэтому характеристика условий написания письма имеет важное значение для правильного понимания содержания написанного.

Настоящая статья написана, в основном, на материалах коллекции военных писем и дневников, которые были собраны в архиве Центра диаспоры при Тель-Авивском университете в самое последнее время (2012–2017) и впервые вводятся в научный оборот [1].

Неудобная поза

Для того, чтобы написать письмо, мало было иметь бумагу и карандаш (перо и чернила хранить было негде), нужно было выбрать правильную позу. Удобно устроиться, собраться с мыслями и сочинить те несколько строк о главном – солдат жив, здоров, воюет, надеется на встречу. Писали сидя, лежа, стоя, прислонившись к дереву или стене землянки, окопа, другого временного укрытия. Вместо стола служил снарядный ящик. Писали на лопате, крышке котелка, устроенных на коленях. На книге, которую держали на весу. Можно представить, какие в таких случаях буквы выводила рука. Часто солдат в течение недели или двух вообще не держал в руках ничего, кроме винтовки, автомата, автомобильного руля или лопаты. После месяцев походной жизни (или после ранения, контузии) руки начинали дрожать, и написание письма превращалось в своеобразное испытание. Для того, чтобы вывести на бумаге нескольких строчек и отправить их в путешествие по всей стране, карандаш должен был писать, а строки, разбежавшиеся в разные стороны, несмотря на всю кривизну, оставаться разборчивыми, доступными для чтения и понимания сначала цензору, а потом адресату.

Об ухищрениях в поисках укромного уголка, где можно было уединиться ненадолго, чтобы ответить на письмо, мы узнаем от самих авторов, которые это не скрывали. Вот почему солдаты очень часто предпочитали открытки (почтовые карточки) – там было мало места, которое нужно было заполнить.

Гражданскому человеку трудно было представить походные условия написания писем. У него всегда был стол, стул и чернильница, но это «всегда» отсутствовало у солдата. Поиски места для письма требовало известной изобретательности, сделать так, чтобы рука вывела строки, которые продиктовал мозг.

3 сентября 1941 г.

Начал письмо в палатке, а закончил после чистки оружия, сидя в ожидании бани.

23 января 1942 г.

Простите за корявое письмо - пишу на книге, которую держу в руках. У нас очень тесно [2].

23 мая 1942 г.

Писать очень трудно, так как я лежу животом на земле, и поэтому буквы расползаются в разные стороны. Но я думаю, что ты разберешь написанное, привыкнув уже к моему почерку.

5 октября 1942 г.

Использую любое время дня и ночи, будь то во время отдыха или дежурства - лишь бы обстановка это позволяла, и я мог бы найти, где приткнуться, чтоб вынуть походную чернильницу и ручку и сесть писать [3].

1 января 1943 г.

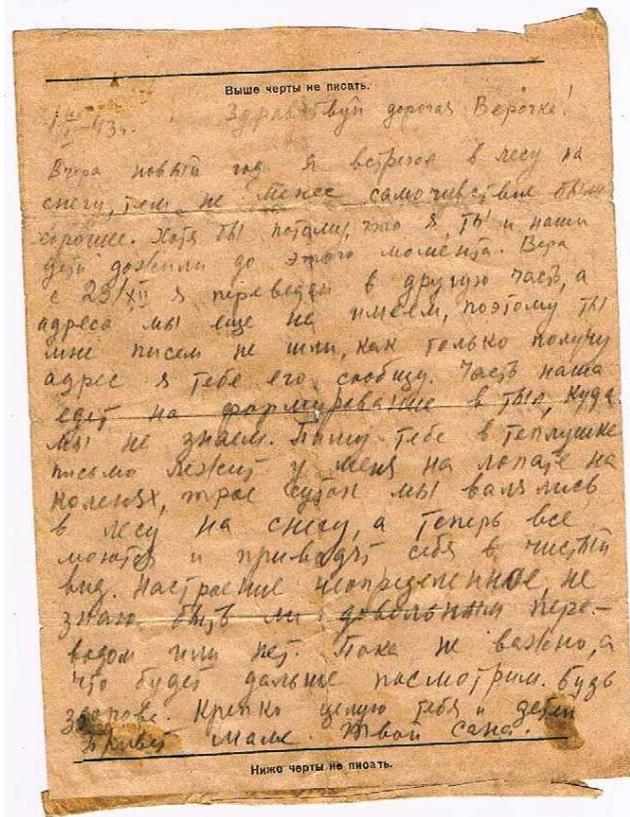
Пишу тебе в теплушке, письмо лежит на лопате на коленях, трое суток мы валялись в лесу на снегу, а теперь все моются и приводят себя в чистый вид [4].

19 июля 1944 г.

Пишу чернилами, но в лесу и лежа, так, как сидеть не на чем. С успехом почту можно назвать не полевой, а лесной. Писать очень неудобно. Да и вообще можно ли так написать письмо [5].

Левит Несанель (1943)

1 октября 1944 г.

Привет с фронта. Писать особенно нечего, да и к тому же обстановка не особенно позволяет. Лежу прямо на земле и лежа пишу [6].

Недостаток освещения

Одним из наиболее важных условий написания письма было освещение. Нужно было успеть сделать это при свете дня, поскольку искусственное освещение вызывало дополнительные трудности. Коптилку [7], свечу, лучину требовалось еще найти, а об электричестве пришлось забыть. Им пользовались только для штабных нужд, да и то подальше от передовой, чтобы шум дизельного движка не привлекал внимание противника. Если солдат не успевал написать (или прочитать) письмо при свете дня, он вынужден был отложить это на завтра или постараться прочитать при свете Луны, костра или спички. Единственным выходом служила самодельная коптилка, которую фронтовики быстро научились мастерить из подручных материалов.

Писать письма на фронте мешали строгие требования светомаскировки. Навлечь огонь противника неосторожно разложенным костром или зажженной самокруткой. Особенно опасно это было, когда

окопы находились на расстоянии нескольких сот метров от немецкого края обороны, и этим мог воспользоваться вражеский снайпер.

28 августа 1941 г.

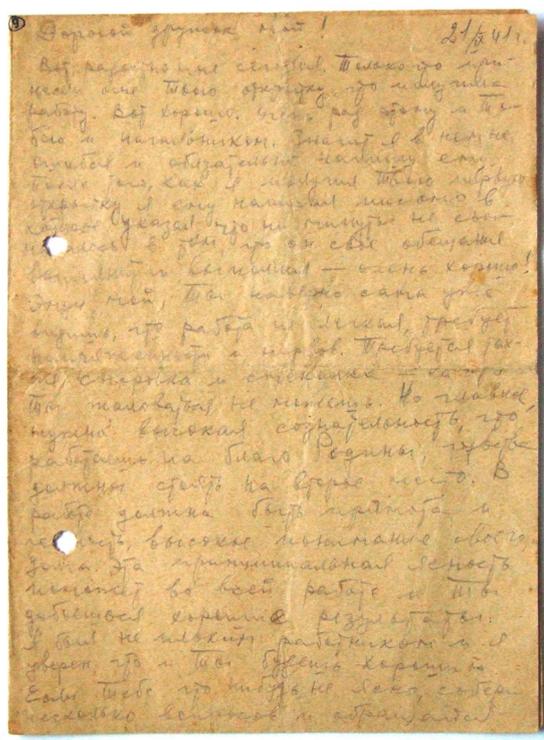
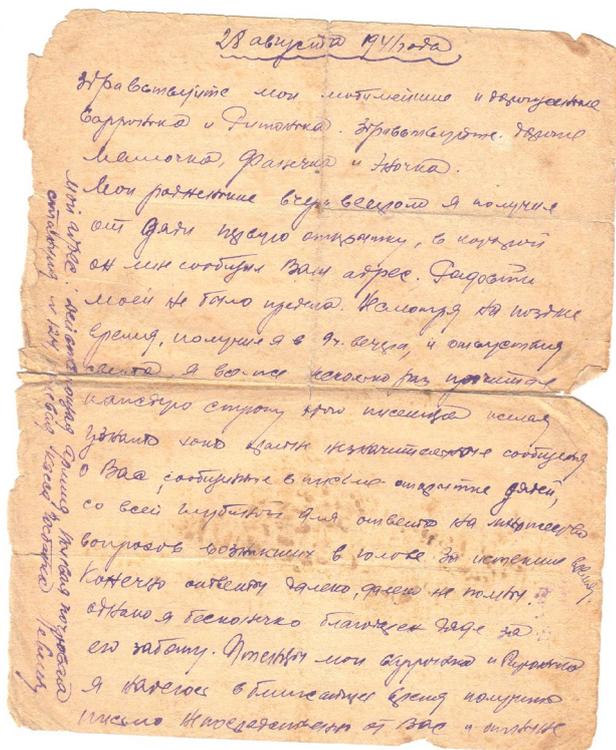
Получил от дяди первую открытку. Несмотря на позднее время, без присутствия света, я все же несколько раз прочитал каждую строчку, желая узнать хоть крайне незначительные сообщения о вас [8].

Левин Сендер Исаакович (1940)

Николай (Ноах) Тельжинский (1941)

24 сентября 1941 г.

Только сегодня имею возможность продолжить разговор. Днем времени очень мало, а вечером – темнота [9].

25 декабря 1941 г.

Теперь половина одиннадцатого ночи, в комнате не очень тепло, горит маленькая коптилка, поэтому слова не очень ровные [10].

10 февраля 1942 г.

Мама злится, что я пишу при тусклом свете. Сейчас восемь часов вечера. Пора ложиться спать, чтобы как следует отдохнуть, и погасить свечку. Первое связано с лишней тратой энергии, второе – с экономией свечи [11, с. 29].

11 июня 1942 г.

Извини, что пишу мало. Нет времени побриться. Вырываешь, буквально, минуты, которые предназначены для тысяч дел. Когда темнеет, то уж писать нельзя [12].

16 июня 1942 г.

Сажу, согнувшись «в три погибели» у еле мерцающей коптилки и держа бумагу на весу, пишу.

18 августа 1942 г.

Поздно вечером принесли почту, в которой было твое письмо. При свете спички мне удалось его прочесть [13].

13 сентября 1942 г.

Работа отнимает почти все время, и я не успеваю записать даже пару слов. Встаю с солнцем и прихожу с работы, когда уже темнеет, а керосину для лампы нет [14, с. 104].

12 ноября 1943 г.

Сажу в земляной норе, коптилка все время мигает от содрогания. Гулко эхо разрывов отдается сильнее, в ушах звенит, и вместе с землей весь содрогаюсь и я. Вражеский снаряд разорвался рядом. Раздался характерный свист осколков, рука вздрогнула, но я продолжаю писать. Шум боя все усиливается. Спешу закончить письмо, чтобы быть наготове [15].

1943 г. Без точной даты

Мои детки, на этом хочу закончить свое письмо, время очень позднее и копилка начинает тухнуть [16].

Копилка – верная подруга

Тебя я помню – фитилёк
да керосин, да пузырьёк –
копилку, верную подругу.

С тобою ад прошли по кругу –
сгорали с нами фитили,
но мы вперед упрямо шли.
В землянке ты для нас – лампада,
и более того – отрада:
на огонек из темноты
приходят помечтать мечты.

Зарю копилка зажигает –
сама, мигая, угасает... [17].

Под открытым небом

Труднее всего было писать письмо под открытым небом, в поле, степи, лесу. Однако солдаты шли на это, понимая, что нужно использовать короткую передышку на привале, которой потом может долго не быть. Еще труднее было писать в непогоду. Страшнее всего был холод, который сковывал пальцы, и они переставали слушаться. Хорошо, если удавалось найти укрытие от ветра и дождя в развалинах дома, крестьянской избе или землянке, которая обогревалась с помощью самодельной печки. Письма писали на всякий случай, когда окажется недалеко почтальон. В противном случае письмо неделями носили в кармане шинели, гимнастерки или вещмешке. Когда боевые порядки вырвались далеко вперед, почта отставала на неопределенное время. Поэтому солдат, который не хотел потерять связь с домом, заранее должен был позаботиться о написании письма. Разумнее было не выбирать слишком долго, есть ли укрытие (временное жильё, шалаш, окоп) или только небо над головой.

У костра

14 октября 1941 г.

Стараюсь писать тебе, как можно чаще, даже иногда вечером, при костерке. Понятно, почему – мои мысли и чувства всегда с тобою, любимая моя! [18].

В лесу

7 июня 1942 г.

Погода ужасная. Снег и дождь сменяют друг друга. Мокро, грязь. Живем в окопах, которые заливает. Единственное спасение – это днем, когда можно в лесу разложить костер и возле него обогреться и обсушиться. Вот у костра и пишется это письмо. Однако не всем такое счастье, т. к. не все наши расположены у опушки леса, а находятся в чистом поле, где днем нельзя показываться на поверхность, а ночью нельзя развести костер [19].

6 февраля 1942 г.

Приходится работать в тылу у противника и естественно писать оттуда не приходится. Горячий привет всем. Простите что так неряшливо, пишу в лесу на морозе, думаю, что разберете. 26 февраля 1945 г.

Извините, что так небрежно написано, пишу на ходу, в лесу, руки несколько озябшие, т.к. холодно и сыро, в помещениях находится не приходится, а только под открытым небом, все больше в лесах [20].

В поле

24 августа 1942 г.

Получил вчера письмо от тебя и спешу с ответом. Пишу в поле, поэтому извини за почерк [21].

В степи

13 июня 1942 г.

Пишу это письмо в поле, без уверенности в том, что сумею отправить его на почту, а значит, и тебе. Кругом на много километров голая степь, нет места, где бы мог остановиться взгляд, только лишь справа от меня строгой линией тянутся телеграфные столбы. Ни дерева, ни избушки, ничего — степь [22].

Пинский Ю.Х. (1940 г.)

Воинское удостоверение 11.01.1945

В дороге

20 января 1943 г.

Мои любимые! Не знаю, где брошу эту открытку. Поезд стоит в поле. Страшная метель, нельзя на ногах стоять. Сосны и сугробы снега. Север... Проехали Рязань, Коломну, Москву, едем дальше в Калининскую обл. В Москве не стояли, проехали мимо по ее окраине. Перед Москвой проехали замечательные дачные места... Сосновые леса и среди них фантастические деревянные домики, как в сказке. Такая красота, что рассказать нельзя [23].

В окопе

1 марта 1945 г.

Писать некогда и негде, т. к. нахожусь я под открытым небом и спасаюсь только в ровике, когда вражеские снаряды начинают близко разрываться. А ровик этот полон воды от дождя и талого снега [24].

В землянке

5 февраля 1945 г.

Пишу в землянке, которую сам проектировал. Время два часа ночи, источник света – маленькая лампочка (без стекла), от которой непрерывно струится дымок. На дворе морозик, ночь темная, но местность непрерывно освещается немецкими ракетами. Тишина нарушается неприятным звуком, напоминающим крик весенней лягушки – это паршивый немец, нажал на гашетку пулемета. Я уже привык, но думаю, как же проходят молодые годы, где сейчас моя любимая? [25].

В непогоду

10 октября 1941 г.

Я сейчас на почте, зашел написать вам открытку, тут тепло. Живем в палатке, ночью температура – 8 гр., днем в палатке – 2 [26].

2 марта 1942 г.

Невероятные снежные заносы исключили всякую возможность почтовой связи. Я мог писать «для души», но отправить ничего нельзя было, а ты, вероятно, волновалась, для чего, как я уже неоднократно писал тебе, нет никаких оснований [27].
27 марта 1942 г.

На улице творится что-то ужасное, вьюга, метель. Вообще, кажется порой, что в этом году мы не избавимся от зимы [28].
6 июня 1942 г.

Уже третий день, как свирепствует тайфун. Бешеный ветер поднимает тысячи мелких камней и, злорадствуя, бросает их в лицо пешеходу. Глаза спасаешь, только надев очки. Внезапно налетит то пронизывающий дождь, то холодный и крупный град. Холодно и мрачно кругом, это письмо я сел писать, накинув себе на плечи полушубок. Хороший июнь месяц, правда? Числа 12 июня мне предстоит выехать далеко в степь дней на 8—10, и если погода не изменится к лучшему, то моя замечательная персона получит все возможности неоднократно промокнуть до мозга костей и быть исплестанным неутомимым ветром [29].

После болезни

1944 г. Без точной даты

Пишу после превеликой малярийной трепки, и рука с трудом водит перо, а то выводит еще более несуразные, чем обычно буквы. Ты не представляешь, как писать трудно. Прямо взмок весь [30].

На дежурстве

Самым удачным для письма считалось время дежурства, заступление в наряд или учебных занятий. Возникла естественная пауза, срочные дела отступали, можно было перевести дыхание и прийти в себя. Мысли солдата всегда были о доме, он испытывал своеобразное чувство вины, что не ответил вовремя на письмо от родных, что откладывал, не нашел времени и места, и это была лучшая возможность рассчитаться с долгом. Написание письма с пониманием воспринималось товарищами и командирами. Можно было писать, сидя за столом, в помещении. Солдату, который оказывался в помещении после долгого пребывания на открытой местности, удержаться от этого было трудно. Написание письма стимулировалось и тем, что в любом состоянии нужно было бодрствовать. Письмо помогало выдержать дежурство, не заснуть на посту, дожидаться смены, поэтому не случайно письма на дежурстве выходили более объемные, рассудительные, неторопливые.

30 июня 1942 г.

Сейчас 12 часов 30 минут ночи. Пользуюсь случаем, что сижу в штабе и по долгу службы не имею права спать, пишу письмо в нормальных условиях, т.е., чернилами, за столом и т.д. [31].
29 июля 1942 г.

Сегодня я в наряде. Дежурным по учебному корпусу, так что вырвал время для письма [32].
25 января 1943 г.

Сегодня ночью уже вторую открытку вам пишу. Письмо написать совсем некогда, а на открыточку 5 мин. урвать можно. Сижу и носом клюю сейчас, жду «хирурга», работаю. У нее сейчас масса работы, приходит часа в 2-3 ночи. Я тоже до этого времени сижу [33].
15 апреля 1943 г.

Прими мое первое письмо, которое я пишу во время лекции по марксизму-ленинизму. Говорят, всему свое время; так и сейчас, вместо того, чтобы нерационально расходовать время на слушание лекции по теме «Фронт и тыл», я решил лучше приняться за небольшое письмо к тебе [34].
19 апреля 1945 г.

Берусь за письмо, а меня отрывают двадцать раз, то курсант войдет по какому-то вопросу, то приказание получишь, то до ночи сидишь над марксистско-ленинской учебой. А ты обижаешься, что не хочешь писать. Я даже не знаю, как тебе объяснить... [35].

Во время боя

Письма, написанные непосредственно во время ведения боевых действий, по праву считаются наиболее редкими. Способным к этому мог быть только солдат, для которого война стала обыденным делом, а свист мин и разрыв снарядов не привносил ничего нового. Такие люди уже научились выживать и верили в собственное военное сча-

стье. Цензура пропускала подобные письма, поскольку в них не сохранились сведения, недозволенные огласке. Однако, только при условии, что они имели патристический, а не панический тон. Сам факт существования подобных писем говорит о многом, поскольку, как правило, события записывались задним числом, когда бой отгремел, и были известны его результаты. Авторы писем не видели ничего героического в том, что писали домой во время боя. Они признавались, что это занятие помогало не допустить психологический срыв, выдержать до конца сражение и выполнить свою боевую задачу. Подобные письма свидетельствуют о хладнокровии и выдержке бывших гражданских лиц, ставших бывальными солдатами. Если не слепая мина или бомба, которые прямым попаданием накрывали автора письма, то выжить у такого солдата было больше шансов, чем у товарища, который не мог совладать со страхом смерти.

10 августа 1943 г.

Я нахожусь в самом центре канонады и буквально гложу от грохота орудий. Пересиливая этот шум, я передаю команды от стрельбе. К концу дня я немного надорвал голос и чуть охрип, а командир, руководивший стрельбой, голос потерял. Отдыха совсем не знаю и сплю урывками в несколько минут, а когда удастся заснуть, то канонада не мешает.
6 декабря 1943 г.

Я слышу, как бьют наши минометы и пушки, как трещат пулеметы и крики «ура». Со стороны противника, в ответ летят снаряды и мины, которые рвутся очень близко. Осколки залетают в окоп у нашей землянки. И, несмотря на всю эту «кутерму», я преспокойно пишу тебе письмо. В этом нет никакого героизма, а просто привычка.
12 ноября 1943 г.

Сделал кляксу на письме. Это не результат небрежности, а того, что в этот миг разорвался рядом снаряд, и все дрогнуло в моей яме. Дрогнула и моя рука, и вот – клякса. Когда я отправлю это письмо, мы уже будем находиться в гуще боя [36].
4 августа 1944 г.

Пока военное счастье пока не отвернулось от меня. Прости за краткое письмецо. Я устал, и спать клонит, как только начну писать. Да, к тому же, посвистывают мины и прочее. Нахожусь на переднем крае. [37].
26 октября 1944 г.

Это письмо я пишу в ровике, находясь в двухстах метрах от врага. Противник ведет непрерывный обстрел, и через каждые пять слов приходится прекращать письмо и опускаться на дно ровика, спасаясь от осколков [38].
20 ноября 1944 г.

Никогда ранее в такой обстановке (сейчас идет бой) я даже не задумывался о письмах и, получая их, не читая, клал в сумку. О том, чтобы сесть за ответ, я и не мыслил. Только потому, что уж очень давно я не имел вестей от тебя, я не выдержал и вскрыл конверт в неурочное время, а содержание письма заставило меня сейчас же написать ответ [39].

За счет сна

Не были редкими случаи, когда солдаты использовали время сна, чтобы написать письмо. Это говорило о том, что человек или испытывал крайнюю необходимость ответить на письмо, или чувствовал внутреннюю зависимость от постоянной письменной связи с родильским домом (или любимым человеком). Или нервное возбуждение достигло такого уровня, что солдата мучила бессонница. Тогда написание писем оказывалось спасительным средством. Отдать свое время письму, когда товарищи по оружию забылись тревожным сном, отдавая себе отчет, что этого сна потом не хватит, говорит о многом. У каждого солдата был свой способ сохранить равновесие на войне. Для некоторых это было написание писем. В этом кроется объяснение того, что человек при крайней усталости и переутомлении, вместо того, чтобы прикорнуть и провалиться в глубокий сон, сознательно не разрешает себе этого и берется за карандаш и бумагу для письма.

23 марта 1942 г.

Твое письмо я неотрывно читал много раз. Хочется очень многое высказать, а на бумагу попадает только часть моих мыс-

лей. Обыкновенно письма пишу я тебе по утрам, специально для этого вставая на два часа раньше всех, чтобы быть это время с тобой, наедине.

20 апреля 1942 г.

Мой день начинается в 2-3 часа ночи и кончается в 9 часов вечера, когда я ложусь спать. Промежуток от 3 часов ночи до 7 утра я использую для писания писем, так как в это время бывает всего спокойней, и никто не мешает.

10 июля 1944 г.

Пишу с большим трудом, т. к. невыносимо хочу спать. Прошлую ночь, а также и весь день я провел без сна. Сейчас уже вечер. Стало немного прохладней, и, найдя укромное местечко, сел писать тебе эти строки. Последние дни стоит большая жара. При движении поднимается такая пыль, что ничего кругом не видно, а потом и нас самих не видно, до того мы грязны и запылены.

23 октября 1944 г.

Пишу, а глаза смыкаются, до того хочется спать. От бессонницы они воспалены, и я себе представляю, каким странным я должен выглядеть, когда я весь заросший, грязный и с красными глазами. Абсолютно времени нет, чтоб помыться и побриться [40].

На «отдыхе»

Отдых и война – понятия несовместимые, поэтому слова «нахожусь на отдыхе», прочитанные в письме, полученном с фронта, воспринимались условно. Какой мог быть отдых у солдата? Отвод воинской части в тыл на переформирование после тяжелых боев для того, чтобы принять пополнение живой силой и техникой. Командировка или отпуск по ранению. Советскому солдату во время военных действий в отличие от других армий мира отпуск не полагался. Не случайно во многих письмах можно было прочитать слова «отдохнем после победы». Это был типичный ответ фронтовика на частые вопросы родных, когда его отпустят на побывку повидать семью. Несмотря на то, что солдата домой не отпускали, и это было только временной передышкой, такое известие считалась лучшей новостью для всех, кто ждал письма с фронта. Значит, сиюминутная опасность отодвинулась, дорогой человек вне опасности и можно вздохнуть свободно. Многие понимали, что им не просто не придется приехать домой, но хорошо, если удастся дожить до победы, и это указывалось в письмах фронтовиков открытым текстом. Написать письма для солдата в это время считалось большим удовольствием. Они отличаются спокойным и уравновешенным тоном.

2 апреля 1942 г.

Все ребята сегодня работали на очистке двора, а я бездельничал и писал письма. Произошло это потому, что сегодня я получил благодарность по академии [41] за отличную защиту терапии и в виде премии отпуск на целый день. 9 таких счастливых, как я, умчались в город, а я остался писать [42].

5 апреля 1942 г.

9 часов. Я один в комнате у письменного стола. Я ворую время и пользуюсь случаем, чтобы мне никто не мешал записать [43].

11 февраля 1943 г.

Нахожусь в большом городе. Вокруг так много жизни. Здесь есть кино, театры, зрелища, здесь есть все то, чего я не имел на протяжении 4-х лет моей жизни в пустыне Гоби [44, 45].

31 мая 1944 г.

Прибыл к месту назначения [46]. Предложили покушать, я, конечно, не отказался. Немного выпил вина, слопал тарелку прекрасного студня, куриную ножку, и выпил стакан чаю. Наелся до отвала, взял шинель и под развесистой грушей лежа пишу письмо. Вдали слышна стрельба, это готовятся к боям мои люди. Завтра я начну проверять их знания, а сегодня я под грушей, день кончился, солнце село за лесом, тени сгущаются, писать становится трудно, но я с вами, вижу ваши милые мордочки, хочу их целовать и целую мысленно [47].

Заключение

Таким образом, условия написания писем в 1941–1945 гг. являются важной характеристикой жизни человека на войне. Изучение обстоятельств, в которых солдаты и командиры Красной Армии писали письма домой, своим родным, друзьям и соседям, товарищам по оружию рисуют правдивую картину окружавшей их обстановки и военной повседневности, дают необходимые детали для понимания поведения человека на войне, раскрывают его внутренний мир.

Одновременно мы получаем представление о работе военно-полевой почты, которая в самых трудных, часто непредсказуемых условиях успешно решала поставленную перед ней задачу. В переписке, без преувеличения, участвовали миллионы людей, которые нуждались в получении своевременных сведений о судьбе своих близких. Почта принимала и отправляла корреспонденцию на всем протяжении советско-германского фронта в течение всех четырех лет войны. Эта работа шла на воде, суше и в воздухе, в разную пору года, жару и холод, дождь и зной, в ходе движения солдат на марше, при транспортировке по железной дороге и морю, в наступлении и обороне.

Для организации работы военно-полевой почты были затрачены огромные финансовые средства из бюджета Государственного комитета обороны, где ни одна копейка не считалась лишней. Десятки тысяч почтовых служащих собирали, перевозили, сортировали письма, которые доставлялись по адресам в относительно приемлемые сроки. Десятки тысяч цензоров просматривали почту с фронта и на фронт без чего, по законам военного времени, почтовая связь не имела права на существование.

Трудно представить, как мог воевать солдат в отсутствие военно-полевой почты, лишенный связи с домом, не имея представления о том, что делается с его близкими, оставленными в тылу, как чувствуют себя их родители, жены и дети. Живы ли они, насколько обеспечены всем необходимым, как устроен их быт, насколько удовлетворительно относятся к семьям фронтовиков местные власти и т. д.

Только зная, что его письма будут получены и прочитаны, солдат мог сохранять свое психическое и физическое здоровье, поддерживать душевное равновесие.

Бойцы и их командиры ни при каких обстоятельствах не соглашались остаться без связи, которая в годы войны могла осуществляться только при помощи военно-полевой почты. В каком бы состоянии солдат не оставался, он всегда делал над собой усилие, чтобы письма не содержали ничего лишнего, не прервали письменную связь, не привели к конфликту с властями со всеми вытекающими последствиями. В целом, обстоятельства, которые сопутствовали написанию писем, являются важным дополнительным источником понимания психологии поведения человека на войне, дают ответ на вопросы, как он мог выжить, выстоять и победить.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Smilovitsky, L. Soviet Jews write to the Red Army (1941–1945). Creation of a collection of War time letters in the Diaspora Research Centre at Tel Aviv University (Советские евреи пишут в Красную армию, 1941–1945. Опыт формирования коллекции военных писем в Центре диаспоры при Тель-Авивском университете) // *Russkii arkhiv*. – № 4. – Vol. 6. – 2014. – P. 236–252. – Режим доступа: <http://ejournal16.com/ru/archive.html?number=2014-12-26-09:00:43&journal=6>.
2. Письма Дмитрия Поляка из действующей армии - своим родителям в Москву 3 сентября 1941 г. и 23 января 1942 г. // *Archive of military letters of the Diaspora Research Center, Tel Aviv University*. L. Smilovitsky's collection (далее: // *Archive ...*).
3. Письма Менаше Берковича Вайла из действующей армии – жене Бэле Шлемовне Вайл-Новак в Бугуруслан Чкаловской обл. 23 мая и 5 октября 1942 г. // *Archive ...*
4. Письмо Нисанеля Мордуховича Левита из действующей армии - Вере Израилевне Тумаринсон в г. Бийск Алтайского края 1 января 1943 г. // *Archive ...*
5. Письмо Израиля Самуиловича Перлова из действующей армии – жене Суламифь Лазаревне Вулих в Ташкент 19 июля 1944 г. // *Archive ...*
6. Письмо Вениамина Хоновича Финкельштейна из действующей армии – жене Зое Николаевне Бурденко в Баку 1 октября 1944 г. // *Archive ...*
7. Коптилка - простейшее осветительное самодельное приспособление во фронтовых условиях, состоящее из банки, бутылки и т. п. с горючей жидкостью и фитилем; маленькая керосиновая лампа без стекла.
8. Письмо Сендера Исааковича Левина из действующей армии – жене Саре Григорьевне Портновой в Кустанай Казахской ССР 28 августа 1941 г. // *Archive ...*
9. Письмо Николая (Ноаха) Тельжинского из действующей армии – жене Эмме в г. Котельнич Кировской обл. 24 сентября 1941 г. // *Archive ...*

10. Левитан Мордух Израилевич. Запись в дневнике 25 декабря 1941 г. // Archive of military letters of the Diaspora Research Center, Tel Aviv University. L. Smilovitsky's collection.
11. Дневник Давида Израилевича Соболевского. Запись 10 февраля 1942 г. См.: Дневник пропавшего без вести, 1941–1943 гг. СПб, 2014. – С. 29.
12. Письмо Якова Моисеевича Скульского - жене Гене Брехман в Кустанай (Казахстан) 11 июня 1942 г. // Archive ...
13. Письма М.Б. Ваила – Б.Ш. Вайл-Новак 16 июня и 18 августа 1942 г. // Archive ...
14. Дневник Д.И. Соболевского. Запись 13 сентября 1942 г. См.: Дневник пропавшего без вести, 1941–1943 гг. СПб, 2014. – С. 104.
15. Письмо М.Б. Ваила – Б.Ш. Вайл-Новак 12 ноября 1943 г. // Archive ...
16. Письмо В.Х. Финкельштейна – З.Н. Бурденко 1943 г. Без точной даты // Archive ...
17. Кладницкий, Давид. Стихи / Давид Кладницкий – Киев, 2011.
18. Письмо Н. Тельжинского – жене Эмме 14 октября 1941 г. // Archive ...
19. Письмо М.Б. Ваила – Б.Ш. Вайл-Новак 7 июня 1942 г. // Archive ...
20. Письма Юрия Хацкелевича Пинского – родным в г. Соль-Илецк Оренбургской обл. 6 февраля 1942 г. и 26 февраля 1945 г. // Archive ...
21. Письмо Н. Тельжинского – жене Эмме 24 августа 1942 г. // Archive ...
22. Письмо Наума Бейлина - жене Гите Чарной в г. Омск (Западная Сибирь) 13 июня 1942 г. // Archive ...
23. Письмо Веры Куфаевой из действующей армии – своим родителям в г. Калач Воронежской обл. 20 января 1943 г. Письмо находилось в пути более двух месяцев и было получено только 25 марта 1943 г. // Archive ...
24. Письмо М.Б. Ваила – Б.Ш. Вайл-Новак 1 марта 1945 г. // Archive ...
25. Письмо Наума Кунина из действующей армии - жене Кобриной в Смоленскую обл. 5 февраля 1945 г. // Archive ...
26. Письма Д. Поляка из Гороховецких запасных лагерей в Горьковской обл. – родителям в Москву 10 октября 1941 г. // Archive ...
27. Письмо И.С. Перлова - С.Л. Вулих 2 марта 1942 г. // Archive ...
28. Письмо Н.М. Левита – В.И. Тумаринсон 27 марта 1942 г. // Archive ...
29. Письмо Н. Бейлина – Г. Чарной 6 июня 1942 г. // Archive ...
30. Письмо И.С. Перлова - С.Л. Вулих 1944 г. Без точной даты // Archive ...
31. Письмо Я.М. Скульского – Г. Брехман 30 июня 1942 г. // Archive ...
32. Письмо Льва Владимировича (Вольфовича) Ципенюка из Саратовской обл., ст. Разбойщина – В.Л. Ципенюку в Ташкент Узбекской ССР 29 июля 1942 г. // Archive ...
33. Письмо В. Куфаевой – своим родителям 25 января 1943 г. // Archive ...
34. Письмо Н. Бейлина - Г. Чарной 15 апреля 1943 г. // Archive ...
35. Письмо Георгия Павловского из Штеттина – Аиде Рабинович в Москву 19 апреля 1945 г. // Archive ...
36. Письма М.Б. Ваила – Б.Ш. Вайл-Новак 10 августа, 12 ноября и 6 декабря 1943 г. // Archive ...
37. Письмо Я.М. Скульского – Г. Брехман 4 августа 1944 г. // Archive ...
38. Письмо М.Б. Ваила – Б.Ш. Вайл-Новак 26 октября 1944 г. // Archive ...
39. Письмо Н. Бейлина – Г. Чарной 20 ноября 1944 г. // Archive ...
40. Письма М.Б. Ваила – Б.Ш. Вайл-Новак 23 марта, 20 апреля 1942 г., 10 июля, 23 октября 1944 г. // Archive ...
41. Имеется в виду Саратовский военно-медицинский институт - высшее военное учебное заведение профессионального образования для подготовки офицерских врачебных кадров медицинской службы Красной Армии (1939–2010 гг.).
42. Письмо Юлия Аркадьевича Лапина из действующей армии – матери Фанне Борисовне с. Донское Таврического района Восточно-Казахстанской области 2 апреля 1942 г. // Archive ...
43. Дневник Петра Денисовича Лютых. Запись 5 апреля 1942 г. // Archive ...
44. Гó би - обширный регион в Центральной Азии (на территории Монголии и Китая), характеризующийся пустынными и полупустынными ландшафтами. Гоби простирается на 1600 км с юго-запада на северо-восток и на 800 км с севера на юг, площадь – 1 300 000 км².
45. Письмо Н. Бейлина – Г. Чарной 11 февраля 1943 г. // Archive ...
46. Михаил Соломонович Абрамович (1908-1945 гг.), майор, в мае 1944 г. получил назначение на должность начальника штаба 23-й гвардейской мотострелковой бригады 7-го гвардейского танкового корпуса.
47. Письмо Михаила Соломоновича Абрамовича из действующей армии – жене Евгении Яковлевне Абрамович в г. Ярославль 31 мая 1944 г. // Archive ...

Материал поступил в редакцию 28.09.2017

Dr. LEONID SMILOVITSKY "I Hasten to Inform You ..." Conditions for Writing a Letter from the Front (On Pages of World War II Correspondence and Diaries)

The article is devoted to the previously under-examined topic of studying the conditions for the existence of private correspondence, during the period of 1941-1945, as an historical source. The coverage of the circumstances in which the soldiers and commanders of the Red Army wrote letters home – to their relatives, friends and neighbors, comrades in arms – helps to develop a true picture of the environment around them and of everyday military life, provide the necessary details for understanding the behavior of a person in war, and reveal his inner world. The activity of the military field mail is shown, which in the most difficult conditions successfully carried out the task assigned to it. The article is based upon data from letters and diaries of Soviet Jews – soldiers of the Red Army – which were collected in the archives of the Diaspora Research Center at Tel Aviv University over the last five years (2012-2017) and are herein introduced into academic circulation for the first time.

УДК 543.89

Стрелец М.В.

**РЕАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН**

Рецензирование научных трудов сопряжено с колоссальной ответственностью. Необходимо капитально владеть проблематикой, относящейся к рецензируемой публикации. Принципиально важно применение оптимального теоретико-методологического инструментария анализа научных трудов. Азбучной истиной является соблюдение профессиональной этики в тех случаях, когда демонстрируется

несогласие с автором публикации. Каждый рецензент должен твердо знать нормативно-правовые акты, регулирующие комплекс вопросов, связанных с защитой интеллектуальной собственности. Книга крупного белорусского учёного Ивана Ивановича Синчука с обращением на себя внимание названием «Ненужные рецензии» полностью удовлетворяет перечисленным критериям.

Стрелец Михаил Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.